

«Византийские» полномочия западных императоров и королей

А. М. Величко*

«Знайте, что Господь, восседающий на Своем престоле и судящий по справедливости, с нами, и Ему угодно, чтобы мир управлялся не только духовенством, но императорской властью и духовенством».

(Из письма Германского императора Фридриха II Гогенштауфена Английскому королю Генриху III)

Так уж повелось, что практику взаимоотношений органов церковного управления и императора, которая сложилась в Византии, именуют «цезаропапизмом», приводя ей в качестве противопоставления «папизм» Запада. Но это, безусловно, совершенно недопустимое упрощение исторических фактов, причем упрек должен быть отнесен как по отношению к описаниям восточной практики, так и западных форм. Даже в то древнее время жизнь была настолько динамична и лишена предубеждений, что многие сложившиеся позднее оценки были бы с полным недоумением и, конечно, непониманием восприняты современниками тех далеких событий. Эти слова в полной мере можно отнести и к «устоявшейся» теории о подчиненном якобы положении западных монархов всемогущему Римскому папе (в состав его титулатуры входят также термины

апостолик, первосвященник, понтифик, которые мы будем использовать в качестве синонимов). На самом деле, активная и часто *преимущественная* роль Германского императора (в первую очередь) и западных королей в церковном управлении была характерна и для Западной Европы, хотя и с некоторыми оговорками, которых мы коснемся ниже.

Да и могло ли быть иначе? Идея империи, свойственная по преимуществу органическому, то есть *религиозному* сознанию, довлела на протяжении тысячелетий в умах современников не только на Востоке, но и, разумеется, на Западе. Лозунг «одна власть, один закон, одна вера» настолько естественен для человеческого мышления, что было бы безрассудно и безосновательно ограничивать его существование определенными территориями. А если есть Империя, то должен быть и император.

Не случайно в течение нескольких столетий известное противостояние германских народов и Византии имело точкой преткновения один, но самый

* Величко Алексей Михайлович – доктор юридических наук.

главный вопрос: кто *истинный* император Священной Римской империи, которая, как известно, «едина и неделима»? Иными словами, ни византийцы, ни германцы даже не предполагали возможности наличия в мире одновременно двух христианских империй. Даже появление Западной Римской империи, автономной и независимой от Константинополя, не влекло за собой окончательно раздробления христианской цивилизации на два лагеря.

Надо сказать, статус Западной империи не оставался стабильным в течение времени. Первоначально, когда Римский папа *Лев III* (795–816) торжественно венчал *Карла Великого* (800–814) императорским венцом, подразумевалось, что, в отличие от «ересиархов» – императоров в Константинополе, великий франк является подлинным государем Священной Римской империи. Но затем, вследствие явного несоответствия этой претензии фактическим обстоятельствам, данная идея сама собой увяла. Даже когда орда крестоносцев захватила в 1204 г. столицу Византии и покончила, как казалось тогда – навсегда, с «империей греков», возникла *Латинская империя*. Вопрос о воссоздании Священной Римской империи в прежних пределах не стоял: к тому времени политические отношения стали столь запутаны и многообразны, что свести, как прежде, все к одному знаменателю оказалось уже невозможно.

Тем не менее даже после этого события Германский монарх по-прежнему венчался императорским венцом в Риме. И дело заключалось не только в политических амбициях представителей германских правящих династий. Просто без Империи и императора христианская цивилизация Запада не могла существовать. Да, Франция и Испания, Англия и Италия давно уже стали самостоятельными,

суверенными государствами, но и для них зримым единством христианского мира являлась не только Римская церковь, но и Западный император.

И как только появился император, так сразу же закончилась монополия Римских пап на главенство в церковном управлении. Разумеется, влияние императора и королей на ход церковных дел не являлось односторонним на протяжении веков, но оно и не было столь эфемерным, как иногда представляют. Ведь перед их глазами стоял блистательный пример Византийских самодержцев. И, конечно, германцам, венчаным Папой, не оставалось никакого иного пути доказать свое истинное императорство, как следовать той практике императорского окормления Церкви, которая задолго до этого сложилась в Константинополе. Впрочем, не будем затягивать предисловие...

I. Священный статус короля

Разумеется, императорская власть, хотя бы распространявшаяся только на страны Запада, а не на всю Вселенную, не могла быть «мирской». Да и как Карл Великий мог бы заявлять претензии на равенство с Византийскими царями, если коронование его Римским папой не прибавило ему никаких сакральных прерогатив? А потому уже очень рано на Германских императоров начали смотреть как на избранных Божиих, как на *священную* и даже *священническую* особу. Со временем почти такой же статус приобрели иные христианские короли Запада. Для нас сейчас не столь важно объяснять причины этого явления. Важен сам факт – то, что тенденция признавать императора (короля) сакральной фигурой, почти священником и даже священником без всяких оговорок, возникла очень рано и продолжала существовать на Западе в

течение многих веков, практически до конца XVIII в.

Нельзя, конечно, сказать, что древние германцы и франки не признавали за королевским статусом никаких сакральных свойств. Напротив, уже в V–VII вв. на Западе получила широкое распространение практика помазания королей (*onction*). Принятие христианства лишь углубило старые представления и насытило их иным, более богатым и идейно выдержанным содержанием. Считалось, что, приняв помазание, король становился орудием Бога, и это таинство, на пример ветхозаветных примеров царей Саула, святого Давида и Соломона, освящало его труды¹.

Победив в 496 г. алеманов, Франкский король *Хлодвиг* (481–511) принял таинство Святого Крещения. Это само по себе далеко не рядовое событие особенно интересно для нас тем, что среди франков быстро распространилась легенда, будто сам Ангел Божий излил на него святой елей во время Крещения². И нет никаких сомнений в том, что эта важная особенность – совершение акта помазания не священником, но Ангелом, значительно повысила авторитет франкской королевской династии в глазах подданных.

В VIII в. самые решительные шаги к тому, чтобы уподобиться настоящим монархам, то есть Византийским императорам, предпринял Франкский король *Пипин* (747–768). Он добился того, чтобы по поручению Папы *Захария* (741–752) легат – епископ *Бонифаций* совершил таинство помазания на королевство нового Франкского

монарха³. Впоследствии король не удовлетворился тем, что таинство было совершено руками всего лишь папского легата, и потребовал от Апостольской кафедры вторичного помазания. Папа *Стефан II* (752–757) не смог ему отказать, и 28 июля 754 г. в Париже, в аббатстве Сен-Дени лично помазал на царство короля Пипина, его супругу Бертраду и сыновей Карломана и Карла⁴.

Наконец, 25 декабря 800 г., в праздник Рождества Господня, когда Карл Великий с двором находился в Риме, Папа Лев III при большом стечении народа возложил на главу Франкского короля императорскую корону⁵. Можно сколь угодно долго спорить о том, кому в действительности принадлежала эта инициатива – Карлу или понтифику. Важно то, что этот обряд был совершен не в воинском духе – с поднятием вождя франков на щит его верными воинами, а в *сакральном*, во время Литургии, в храме.

Чуть позднее этот обряд вошел составной частью в специальную коронационную Литургию. Как известно, она была практически полностью идентична Литургии, совершаемой при поставлении лица в сан священника. Не случайно царем и иереем именовался уже Карл Великий, и сам Папа *Стефан III* (768–772), желая польстить франку и его сыну Карломану, писал: «Вы – род избранный, царственное священство, народ святой»⁶.

³ *Васильевский В.Г.* Лекции по истории Средних веков. СПб., 2008. С. 343.

⁴ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). М., 2008. С. 271, 272.

⁵ *Робертсон Дж. С.* История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. В 2-х т. Т. 1. Пг., 1916. С. 650.

⁶ *Блок М.* Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии. М., 1998. С. 147–150.

¹ *Хачатурян Н.А.* Король-саге в пространстве духовной и светской власти // «Священное тело короля: ритуалы и мифология власти» / Под ред. Н.А. Хачатуряна. М., 2006. С. 22.

² *Григорий Турский.* История франков. М., 2009. Книга II, главы 30, 31. С. 119, 120.

Более того, после окончания обряда помазания тело короля считалось священным, *неприкосновенным* и самым сильным символом власти – ведь таинство совершалось непосредственно над телом, а не где-то вообще. Не случайно случаи гибели, тем более, убийства королей были крайне редки, и такие факты неизменно вызывали гневное брожение в народной среде. При всех династических смутах IX–X вв. единственным королем, погибшим насильственной смертью (да и то – на поле боя), был узурпатор *Роберт I* (922–923). А у англосаксов был убит в 978 или 979 г. *Эдуард II* (975–978), тотчас канонизированный как *святой Эдуард Мученик*⁷.

Длительное противостояние между германцами и французами за обладание Сицилией было разрешено 23 августа 1268 г. в битве у Тальякоццо. После затяжного и кровопролитного сражения французы, руководимые *Карлом Анжуйским* (1226–1285), одержали решающую победу. Поверженный 16-летний наследник Германского короля *Конрадин Гогенштауфен* (1252–1268) и его товарищ Фридрих Баденский были судимы и обезглавлены 29 октября 1268 г. Это событие вызвало открытое недовольство поведением Карла Анжуйского, казнившего отпрыска королевских кровей. Папу *Климента IV* (1265–1268) упрекали в тайном предательстве Конрадина, и даже французы выражали гневное негодование⁸.

Другой хрестоматийный пример являет собой личность Английского короля *Генриха VI Ланкастерского* (1421–1471). Дважды всходящий на престол, низложенный английским парламентом, он был тайно умерщвлен в мае 1471 г. И, конечно же, сразу

обрел ореол святости. Как *святому* (!) ему приписывали множество чудес: воскрешение мальчика, попавшего под мельничное колесо, и такое же чудо в отношении безумной девушки, случайно пронзившей свое горло ножом, исцеление многих больных и калек⁹.

Не только убийство, но и публичное оскорбление короля, пусть даже Папой Римским, оценивалось крайне негативно. Всем известна история с покаянием Германского императора *Генриха IV* (1056–1105) в Каноссе, куда он явился 21 января 1077 г. и объявил через посредника о своей готовности подчиниться понтифику *Григорию VII Гильдебранду* (1073–1085), если тот отменит *интердикт* в Германии¹⁰. Отныне и навечно Каносса стала символом *величайшего унижения монархической власти* и самого государства. Друзья Генриха IV, да и многие простолюдины, нашли его поведение недостойным монаршего сана, а образ действий Папы оценили как оскорбление всего германского народа¹¹.

Как правило, монархи Запада уподоблялись священникам не только по статусу, но и по поведению. Примеров на этот счет более чем достаточно, но даже в череде блистательных государей Французский король *Людовик IX Святой* (1226–1270) выделялся своим благочестием и верой. Как рассказывают, он никогда никого не ругал и не позволял себе оскорблять подданных, не злословил, всегда был радушен и весел, добр и ласков. Некто Жоффруа де Болье приводит рассказ о том, что рыцари начали пенять королю, будто тот проводит слишком много времени

⁹ *Калмыкова Е.В.* Посмертный культ Английских королей // «Священное тело короля: ритуалы и мифология власти». С. 120, 121.

¹⁰ *Шафф Филип.* История христианской Церкви. В 7 т. Т. V. СПб., 2008. С. 42–44.

¹¹ *Норвич Джон.* Норманны в Сицилии. Второе норманнское нашествие 1016–1130. М., 2005. С. 232, 233.

⁷ Там же. С. 145.

⁸ *Грегоровиус Фердинанд.* История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 917.

в молитвах и мессах. На это Людовик IX отвечал им, что если бы он употреблял вдвое больше времени на игру в кости или охоту, никто бы не сказал ему ни слова – справедливое замечание, не утратившее своей актуальности и сегодня. Такое благочестие далеко не случайно: Людовик IX Святой с полным правом считал свой статус священным и вел себя соответственно тому высочайшему положению, какое занимал. Об этом сохранилось прямое свидетельство современника Гийома Шартрского: «Людовик считал королевскую власть священной и считал себя ответственным за спасение душ своих подданных»¹².

Да, император и короли не являлись священниками, но позволяли себе многое из того, что дозволялось иереям и даже архиереям. Со второй половины XIV в. в Германии сложилась уникальная процедура избрания Западного императора, вобравшая в себя элементы хиротонии епископов (прелатов) и даже избрания Римского первосвященника. Семь князей-выборщиков после избрания нового государя Священной Римской империи германской нации подводили нового властителя к Алтарю и... усаживали его прямо на Престол, лицом к народу и спиной к образам. Как минимум, эта практика существовала до конца XVII в.¹³

Конечно, как в Византии, так и в Западной Европе едва ли кто-то полностью отождествлял монархический и священнический сан. Ни один из западных королей, каким бы могущественным он ни был, никогда не считал возможным для себя совершать таинство Евхаристии. Монархи прекрасно знали, что они не совсем свя-

щенники, однако не считали себя и полными мирянами, и это убеждение разделяли вместе с ними подавляющее большинство их современников.

Даже во времена известного противостояния Генриха IV и реформатора Римского папы Григория VII, в XI в., когда каждое неосторожное слово могло иметь серьезные последствия для его автора, один канонист так писал о монархе: «Не следует смешивать короля с толпой мирян; ибо, помазанный елеем, причастен он к священству». Приблизительно в это же время другой автор пишет нечто аналогичное об Английском государе: «Король, помазанник Божий, не может быть назван мирянином»¹⁴.

Как бы ни было печально Римским папам, но эта точка зрения нашла свое отражение и в католическом каноническом праве. В 1158 г. германский канонист Руфин утверждал, что император, над которым свершилось помазание елеем, не является в полной мере мирянином¹⁵.

А в XIII в. была сделана попытка уподобить церковный статус короля статусу церковнослужителя, например диакона. Теперь на Литургии Папа христосовался с Французским королем как с одним из кардиналов, а в конце богослужения тот подносил понтифику чашу для причащения и воду, как это обычно делают иподиаконы. Вскоре, желая окончательно покончить с сомнениями относительно сакрального статуса христианского монарха, этой традиции придали определенную форму. И уже с конца XIV в. западные короли начали по-настоящему исполнять обязанности диаконов и иподиаконов. И хотя, в частности, Французские монархи *формально*

¹² Гарро Альберт. Людовик Святой и его королевство. СПб., 2002. С. 100, 101, 207.

¹³ Бойцов М.А. Сидя на алтаре // «Священное тело короля: ритуалы и мифология власти». С. 190, 191, 210, 220.

¹⁴ Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии. С. 286.

¹⁵ Там же. С. 291.

никогда не были диаконами, но само одеяние, в которое они облачались после коронации, напоминало стихарь, который клирики надевают к мессе¹⁶. Аналогичная практика сложилась при Венском дворе, и погребальное одеяние Австрийского императора включало в себя все тот же диаконский стихарь.

Позднее, когда противостояние папской и императорской властей достигло своего апогея, Рим предпринимал все меры для того, чтобы доказать отсутствие таинства в обряде миропомазания королей. Однако эта акция не вполне удалась, и помазание монарха современники воспринимали как отрешение короля от прежней *мирской* жизни и, следовательно, таинство перерождения.

Очень живописно и содержательно это проявлялось в процедуре помазания, принятой в Англии. Накануне обряда кандидат в монархи исполнял обряд, включающий в себя ночное бдение и ритуальное омовение. На следующее утро процедура помазания предварялась снятием мирской одежды, и лишь затем начиналось елеопомазание – рук, плечей, груди и предплечий, переносащее короля в иную плоскость бытия. Следующие затем инвеститура, коронация и интронизация знаменовали в глазах всех добрых англичан факт обретения королем исключительного состояния, в котором тот предстоит перед Богом¹⁷.

Хотя короли традиционно называли (и назывались другими) «защитниками Церкви», но и они были обеспокоены слишком большой зависимостью от Апостольской кафедры. А потому очень рано начали создавать свою собственную доктрину, обосно-

вывающую не только самостоятельный характер королевской власти, но и ее сакральность. В частности, разбирая известную доктрину «двух светил», *Данте Алигьери* (1265–1321) делает категоричный вывод: «Царство светское не получает от царства духовного ни бытия, ни силы, каковой является его авторитет, ни даже ответственности в абсолютном значении слова. Хотя именно от него получает оно то, что позволяет ему действовать лучше посредством света благодати, каковую и на небе, и на земле изливает в него благословение верховного первосвященника»¹⁸. Наверное, последний тезис – тот минимум оглядки на Римского первосвященника, без которого размышления ученого итальянца могли бы вообще счесть за ересь. Разумеется, Данте был далеко не одинок в своих теоретических изысканиях.

В те времена слова не расходились с делом, и даже в известном законодательном акте XIII в., «*Саксонском зеркале*», вполне выдержанном в папистском духе, содержатся нормы права, едва ли могущие порадовать Римских пап. Да, с одной стороны, в «Зерцале» утверждается, что Папе предназначено ездить верхом на белом коне, а император должен держать ему стремя, чтобы седло не съехало (статья 1, Книга 1). И недвусмысленно отмечается, что король получает свой титул после коронации в Аахене от епископа, и императорским саном наделяет его Папа (статья 52, Книга 3). Тем не менее в другом месте говорится буквально следующее: «Императора не может ни папа, ни кто-либо другой отлучить от Церкви с того момента, как он посвящен, кроме трех случаев: если он сомневается в истинной вере, или если он оставит свою законную жену, или если он разрушит

¹⁶ Там же. С. 301–304.

¹⁷ Федоров С. *Liber regalis* и английские королевские инсигнии // «Власть и образ: очерки постарной имагологии» / Сб. ст. под ред. М.А. Бойцова и Ф.Б. Успенского. СПб., 2010. С. 162.

¹⁸ Данте Алигьери. Монархия. М., 2010. Книга III, IV. С. 44.

Божий храм» (статья 57, Книга 3)¹⁹. Едва ли последние слова нуждаются в комментариях.

Сакральный статус императора и королей подчеркивался различно. Франция, склонная к романтизму и лелеявшая идеал рыцарства, наделила своего монарха священной миссией короля-судьи по образу Божьему. Французский государь – единственный из всех своих собратьев давал специальную клятву творить правосудие, а взамен получал специальную инсигнию «длань правосудия» (*main de justice*). Его статус признавался священным именно вследствие королевской миссии творить божественную правду, а сам он именовался «светочем мира и правосудия»²⁰.

Кроме того, для династической ветви французских королей, к которым относятся и властители туманного Альбиона, примечательна легенда (легенда ли?) о способности монархов исцелять больных и, в первую очередь, лиц, пораженных так называемой «золотухой». На протяжении многих веков велись специальные книги, в которые педантично вносились записи о фактах исцеления золотушных больных, которых король после наложения своих рук, наделял деньгами.

Чуть позднее, уже в XV в., это чудесное свойство священной особы Французского короля перенесли и на Германского императора. В произведении некоего Феликса Фабри «Описание Германии, Швабии и города Ульма» содержатся следующие строки: «В хрониках графов Габсбургов читаем мы, что ниспослан был этим сеньорам таковой чистый дар Божий, что коли примет золотушный либо подагрик питье из графских рук, так сразу

выздоровливает; и происходило сие частенько в Альбрехтштале, в Верхнем Эльзасе, краю, где люди золотушны от природы... Кроме того, известно и не однажды доказано, что всякий заика, кого один из этих государей по собственной охоте обнимет, тотчас обретает дар легкой и связной речи»²¹.

В эпоху Реформации, когда институт папства оказался на волосок от гибели, именно активное участие западных королей в церковной жизни стало неодолимой преградой на пути распространения протестантизма. Например, в Англии закрепилась практика инаугурационных проповедей при восшествии короля на престол. Она вполне соответствовала образу короля, несущего ответственность перед Богом в качестве посредника, дающего отчет обо всех своих подданных. Его власть, конечно, абсолютна – а как иначе он будет обеспечивать торжество справедливости? Но главное даже не это. В первую очередь задачи Английского короля, как викария Христа, Его наместника, заключались в *молитве за всех англичан (!)*, за королевство и самого себя, дабы Господь наставил его на путь истинный. Замечательны изображения короля – он есть *«Imago Dei»*, образ Бога, самое величественное и яркое проявление Божественного Величества²².

За другими монархами признавались способности изгнания бесов, исцеления эпилептиков и т. п. И хотя подобные известия современный исследовательский ум принимает исключительно скептически, нельзя не

²¹ Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии. С. 242.

²² Кирьянова Е. Образ короля в инаугурационных проповедях эпохи правления Карла I Стюарта // «Власть и образ: очерки потестарной имагологии» / Сб. ст. под ред. М.А. Бойцова и Ф.Б. Успенского. СПб., 2010. С. 85, 86.

¹⁹ «Саксонское зеркало». М., 1985. С. 16, 100, 103.

²⁰ Цатурова С.К. Священная миссия королевской судьи, ее вершители и их статус во Франции XIV–XV вв. // «Священное тело короля: ритуалы и мифология власти». С. 78–80.

признать, что в любом случае рождение таких легенд (еще раз усомнимся, легенд ли?) было возможно лишь при условии признания сакрального характера королевской власти.

Симптоматично и другое. Ни один из многочисленных суверенных правителей Запада, несмотря на свои амбиции и силу, не осмеливался помазаться при своей коронации, как император и король. Это была исключительная прерогатива священников²³.

II. Короли – богословы и канонисты

Коронуя Карла Великого, Римский папа Лев III преследовал, разумеется, собственные политические цели. Ему и в голову не приходило, что франк дерзнет расширить свои полномочия на византийский манер. И уж, конечно, Римский первосвященник даже в мыслях представить себе не мог, что вчерашний варвар (каковым в глубине души апостолик считал Карла и его подданных) дерзнет вторгнуться в святая святых – догматическую сторону христианского вероучения.

Но именно так и произошло, причем образ действий царственного франка еще задолго до коронации не оставлял сомнений на этот счет; Папе просто нужно было быть внимательнее. Уже в начале своего жизненного пути император писал понтифику: «Наше дело – защищать святую Церковь Христову извне от нападений язычников и грабежей неверных, и укреплять ее внутри, распространяя католическую веру. Ваше дело, святейший отец, состоит в том, чтобы споспешествовать успеху нашего оружия, воздавая вместе с Моисеем руки к Господу и моля Его даро-

²³ Блок М. Короли-чудотворцы. Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии. С. 292.

вать христианскому народу победу над врагами Его святого имени, дабы имя Господа нашего Иисуса Христа воссияло над всем миром». Таким образом, по мнению Карла, императору принадлежит действие и власть, апостолику – *только молитва*; неожиданный для Римского епископа раздел компетенции, который с ним никто не согласовал²⁴.

А что иного, спросим мы, мог еще ожидать в тот момент глава Апостольского престола? Систематическая слабость папской власти и ее незначительный авторитет даже в Италии буквально *вынуждал* Франкских королей брать на себя ответственность за состояние дел в Западной церкви и поддержание должного благочестия. Примечательно, что вплоть до восшествия на престол короля Пипина, то есть до 742 г., по инициативе епископата во Франкском королевстве вообще не созывался ни один Собор. Все без исключения собрания подобного вида созывались королевской властью, которая же и утверждала соборные акты. По большому счету, Карл Великий лишь развил практику своих предшественников, ну и, конечно, копировал Константинополь, где Византийские императоры еще со времен св. Константина Великого принимали непосредственное и активное участие в догматических спорах и творили церковные каноны.

Великий франк не любил пустословий, а потому издал в 787 г. три капитулярия, тексты которых предварялись красноречивым тезисом: «Душе славного короля Карла созвучно, что с корнем вырывается и устраняется зло, распространившееся в наши дни в лоне святой Церкви Божьей». В них он без долгих разговоров начал регулировать вопросы, до сих пор нахо-

²⁴ Альфан Луи. Великие империи варваров. М., 2006. С. 184.

дившиеся во власти Римского папы и Византийского императора.

В первом капитулярии, посвященном монастырям, Карл предписал всем Божьим обителям жить по уставу св. Бенедикта. Король приказал также организовывать приюты для бедных, а попутно строго ограничил вмешательство местных архиереев в жизнь монашеских общин и определил передать баптистерии обычным священнослужителям. Особое внимание Карл уделил симонии, с которой яростно боролся. Во 2-м капитулярии, еще более объемном, король детально описал вопросы, отнесенные к компетенции епископата, а попутно запретил графам принимать к своему ведению вопросы суда над священниками. Без труда можно понять, что, регулируя эти вопросы, Карл Великий недвусмысленно заявил права на высшее церковное управление²⁵.

Надо сказать, Карл Великий не пренебрегал своими обязанностями. По примеру Византийских императоров Франкский король начал сам проповедовать Евангелие среди франков и саксов. Он приказал расписать стены церквей, чтобы прихожане могли иметь живое представление об аде и Царствии Небесном. Повсеместно на базарных площадях и ярмарках звучали проповеди Карла: «Верьте, и спасете душу. Вечное блаженство достигается не только одним трудом, хотя сам по себе труд нужен и полезен, но еще и верой. Иисус Христос, Господь наш, будет царствовать вечно. Я, Карл, король франков Божьей милостью, и защитник святой Церкви, несу благодать и мир всем духовным лицам и мирянам, преисполненным благочестия, во имя Иисуса Христа, навеки Господа нашего».

В так называемой «Библии Каролингов» он еще более недвусмысленно

выразился на счет своих обязанностей: «Получив от Бога, в лоне Церкви, власть над нашим королевством, мы должны стремиться всеми силами и с Божьей помощью защищать и возвышать Церковь так, чтобы Господь мог назвать нас добросовестным и преданным слугой»²⁶.

В 789 г. Карл Великий издал сборник канонов – «*Admonitio generalis*» («Всеобщее предостережение»). В этом документе содержатся воспоминания Карла о том, что некогда он читал в Книге царств, как святой царь Осия призывал к почитанию истинного Бога народы своего царства, странствуя по нему и увещевая жителей. «Я говорю это, – продолжал Франкский король, – не для того, чтобы сравнить свои заслуги с его святостью, а потому, что наш долг состоит в том, чтобы всегда и во всем следовать примеру святых, потому, что мы должны собрать всех, кого только можем, чтобы повести их к праведной жизни в честь и славу Господа нашего Иисуса Христа»²⁷.

Из всех известных ему правил Карл выбрал те, которые считал полезными для своих подданных. Он обратил свой взор на богослужение, приказав сделать его более торжественным. При этом король принял живое и непосредственное участие в подготовке канонических актов, которые также опубликовал в своих капитуляриях²⁸.

Целый ряд параграфов представляет собой изложение более ранних канонов, принятых на различных Соборах. Но рядом с ними появились и самостоятельные канонические распоряжения короля. Например, он запрещает смертоубийства на террито-

²⁶ Лэмб Гарольд. Карл Великий, основатель империи Каролингов. М., 2010. С. 224, 225.

²⁷ Лебек Стефан. Происхождение франков. М., 1993. С. 294.

²⁸ Робертсон Дж. С. История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 659–661.

²⁵ Хэгерманн Дитер. Карл Великий. М., 2005. С. 241, 242.

рии своего королевства (параграф 66), обязывает чтить родителей (параграф 68), определяет порядок совершения богослужения священниками (параграф 69) и содержание святых храмов (параграф 70). Затем следуют предписания епископам, аббатам и аббатисам. Аббатисам запрещается благословлять мужчин положением рук на их головы и знаменем Креста (параграф 75), епископам следует надзирать за тем, чтобы в воскресенья крестьяне не работали (параграф 80)²⁹.

Карл Великий твердо стоял на соблюдении священниками обета безбрачия, а попутно запретил епископам охотиться и воевать с оружием в руках. Особое внимание франка привлекли вопросы церковного суда и изъятия клириков из-под ведения светского судопроизводства. Король категорически запретил священникам передавать свои жалобы друг на друга кому-либо, кроме собственного епископа. Это предписание ввиду устоявшейся неканонической практики было издано королем в 789 г., повторено по его инициативе Собором 799 г., а затем – в королевских актах от 801 и 812 гг.

Карл Великий напомнил также ограничения, связанные с близкими степенями родства. Более поздний по времени капитулярый 813 г. подтвердил обязанность женатых лиц, состоявших в родстве, развестись. Попутно Карл Великий следил за тем, чтобы деньги не давались в рост под проценты. Капитулярными 789, 794, 803 и 809 гг. были отменены работы в праздничные и воскресные дни, включая открытие базаров и судебных собраний. Наконец, Франкский король строго указывал на то, чтобы все лица, вне зависимости от сослов-

ной принадлежности и национальности, своевременно уплачивали церковную десятину³⁰.

Нисколько не сомневаясь в своем праве на главенство в церковном управлении, обеспокоенный сохранением чистоты вероучения и самой Церкви, Карл Великий строил четкую вертикаль церковной власти. Уже в 769 г. он издал закон, согласно которому любой священнослужитель, ослушавшийся своего архиерея, подлежит низвержению из сана. А в 787 г. Карл пенял митрополитам, епископам, аббатам на неправильный слог, обнаруженный им в письмах, обращенных ему от клириков. Поэтому король обязал создать при каждом монастыре школы для образования монахов. Затем Карл повелел издать книгу собраний из творений Отцов Церкви и приказал читать ее всем священникам и монахам.

Назначая епископов на вакантные кафедры (!), король совершенно не сомневался в их обязанности докладывать ему о состоянии дел во вверенных им епархиях, как это обычно делают королевские чиновники. Любопытен текст письма Лионского архиепископа Лейдрада, датированного 801 г., в адрес императора. «Когда Вы отправили меня руководить этой церковью, – пишет архиерей, – Вы изволили мне указать на некоторые недостатки, имевшие там место. И Вы любезно предложили мне проявить осторожность и заботу, чтобы исправить допущенные ошибки и избежать возможных промахов в будущем. Дело в том, что эта церковь в те времена была лишена многого необходимого для ее внутренней и внешней деятельности, для ее служб и зданий, для исполнения других церковных функ-

²⁹ «Капитулярный Карла Великого» // История Средних веков. От Карла Великого до Крестовых походов (768–1096 гг.) / Под ред. М.М. Стасюлевича. С. 49, 50.

³⁰ Эйкен Гейнрих. История и система средневекового мирозерцания. М., 2010. С. 155, 162, 164, 165.

ций. Сблаговолите теперь выслушать, что удалось сделать после прибытия сюда Вашему покорному слуге с Божьей и Вашей помощью». Согласимся, скорее, это напоминает отчет чиновника государю или архиерея – Римскому папе, но лишь не то, чем было в действительности³¹.

Как в гражданских, так и духовных делах Карл считался *высшим судьей*, над которым не может быть никакой апелляции. Подтвердив действие на территории своего королевства известного сборника канонов Римского папы *Адриана* (772–795), он исключил из него правило, предписывающее обращаться в ряде спорных случаев к апостолику (римская вариация 6 канона Никейского Собора 325 г.). Этот случай был вообще чрезвычайно характерным для практики церковного управления, сформированной франком. И, поддерживая дружеские отношения с понтификами, часто советуясь с ними, он неизменно приводил в исполнение все церковные каноны, нередко им же лично и подготовленные, собственной властью. Это было время едва ли не полного подчинения Римских пап власти Франкского короля.

Дошло до того, что Карл Великий посмел *осудить* (!) Седьмой Вселенский Собор 787 г., решительно пересекающийся с его политическими замыслами и собственными догматическими убеждениями. Франк выказал явное неудовольствие тем, что понтифик направил своих легатов в Nikeю *без разрешения* Карла Великого. Еще больше его возмутил тот факт, что на Соборе не присутствовали франкские епископы. Поэтому император отказался признавать Никейский Собор

Вселенским, найдя для этого пристойные, как ему казалось, обоснования³².

«Неизмеримое честолюбие и ненасытная жажда славы овладели на Востоке не только царями, но и епископами. В пренебрежении святого и спасительного Учения Апостольского, преступая заповеди Отцов, они посредством своих *позорных и нелепейших Соборов* пытались ввести новые верования, каких не знали ни Спаситель, ни апостолы, – написал он в своем указе. – И дабы слова их распространились до отдаленного потомства, они не задумались разорвать узы единства Церкви. Несколько лет назад в Вифинии происходил Собор, который имел дерзость объявить отмену икон. Слова Спасителя в приложении к языческим идолам этот Собор применил ко всем изображениям, не принимая в соображение, что образ есть род, а идол – вид, и что нельзя делать заключение от вида к роду, и наоборот. В этой же местности был составлен второй Собор, на котором председательствовали преемники прежних царей, и где присутствовали, между прочим, члены, бывшие на предыдущем Соборе. И этот Собор впал в ошибку, как и первый. Первый Собор запретил даже смотреть на иконы, второй повелел их обожать и молиться им (*adorare*). Эти два Собора осквернили Невесту Христову (то есть Церковь – А. В.) и отвергли учение Отцов, которые не повелевают воздавать божественное поклонение иконам, но употреблять их лишь для украшения церквей»³³.

Конечно, это являлось серьезным заблуждением, в некоторой степени обусловленным неточным переводом актов Седьмого Собора с греческого языка на латынь. Но заблуждением

³¹ Лебек Стефан. Происхождение франков. С. 295.

³² Болотов В.В. История Церкви в период Вселенских Соборов. М., 2007. С. 672.

³³ Успенский Ф.И. История Византийской империи. В 5 т. Т. 2. М., 2001. С. 418, 419.

столь сильным, что в 825 г. на Парижском соборе поклонение иконам было вновь отвергнуто Галликанской церковью, и копия соборного определения была направлена папе, как некий укор в его адрес по поводу признания понтификом Седьмого Вселенского Собора³⁴.

Объективности ради скажем, что франком двигали в равной степени и богословские, и политические мотивы. Он прекрасно понимал, что, заклеив Византийских царей ересиархами, тем самым создает прекрасную основу для политического объединения Востока и Запада под своей властью. Для этого одних обвинений в отрицании икон было мало, тем более, что Папа тщетно пытался объяснить ему заблуждения относительно некоторых терминов, на которых Карл играл.

И тогда Франкский король сделал заявку на нечто грандиозное – изменить Символ Веры, как тот сложился в устойчивой редакции еще в IV в., обвинив греков в неверном понимании важнейших догматических вопросов. Карл пожелал включить в Символ *Filioque*, будучи совершенно убежденным в том, что без него тот будет неполон. Чтобы оценить образ его мыслей, скажем несколько слов об этом нововведении, позднее ставшем зримой причиной великого раскола Кафолической Церкви.

Полагают, что впервые *Filioque* прозвучало на Толедском соборе Испанской церкви в 589 г. Но, скорее всего, это добавление было вставлено в Символ позднее, на Толедском соборе 653 г. Участники этих Соборов желали утвердить, что Святой Дух исходит не только от Отца, но и от Сына, и руководствовались вполне благими намерениями. Испания только-только отошла от арианства, и казалось

очень важным лишней раз подчеркнуть Божество Христа – очевидно, ссылая на исхождение Святого Духа от Него исключала реставрацию идей Ария. С тех пор это прибавление, не получившее признания в просвещенной Италии, ютилось на осколках западных границ Римской империи среди новообращенных варваров.

Несколько позднее *Filioque* активно использовалось против секты *адопционистов*, согласно учению которых, очень близкому к несторианству, следует говорить об «усыновлении» Христа Богом-Отцом. Они старательно доказывали на текстах Священного Писания человечество Спасителя и Его зависимость от Божественного естества. Родоначальником этой секты стал некто Феликс Ургельский, а его близким помощником – епископ Толедский и примас Испании Елипанд. Первыми противниками *адопционистов* были аббат Беат и епископ Осмский Этерий. Они так горячо противостояли сектантам, что обратили внимание Папы Адриана, который посоветовал епископам Испании принять меры против этого лжеучения.

Дело дошло до Карла Великого, потребовавшего в 792 г. от Феликса Ургельского явиться к нему и публично отречься от ереси. Тот послушался короля, но затем вновь вернулся к проповеди дорогого ему учения. Тогда король приказал в 794 г. созвать Франкфуртский собор, чтобы рассмотреть на нем этот вопрос³⁵.

На Соборе Карл весьма резко выразился против того, что на Седьмом Вселенском Соборе добавление «от Сына» отсутствовало в тексте Символа Веры. И его возражения, равно как и иные, касающиеся последнего Вселенского Собора, были включены в книгу

³⁴ Шафф Филип. История христианской Церкви. Т. 4. СПб., 2008. С. 291, 292.

³⁵ Робертсон Дж. С. История христианской Церкви от апостольского века до наших дней. Т. 1. С. 677–680.

«Капитулярий против Собора». Позднее на основе этого «Капитулярия» Орлеанский епископ Теодульф, близкий друг и помощник Карла Великого, составит «Карловы книги» или «Творения короля Карла против Собора»³⁶. В общем, Карл приказал ввести *Filioque* в Символ веры, читаемый во время мессы в своей часовне, и в 809 г. даже созвал Собор, чтобы утвердить свою редакцию в противовес Востоку.

Обратим внимание на примечательную особенность: не Римский епископ, а Франкский король признал *Filioque* догматически выдержанным с точки зрения православного вероучения. Он же выступил и в качестве судьи, изучая мнения епископов и рядовых клириков на этот счет. Вскоре это догматическое нововведение, с легкой руки Карла, вошло в широкую практику, причем не только на Западе. Через несколько лет от описываемых событий монахи из монастыря на Масличной горе, что располагался в Палестине, обратились к нему с письмом, в котором просили богословской помощи франкских епископов в обосновании *Filioque*.

Попутно они направили послание и к Римскому папе Льву III, но тот не стал отвечать, а переслал его Карлу. Апостолик не признал текст Символа с добавлением *Filioque*, хотя и с интересом отнесся к учению об исхождении Святого Духа от Сына. По его мнению, есть все основания, чтобы говорить об истинности *Filioque*: «В Отце – вечность, в Сыне – равенство, в Святом Духе – связь вечности и равенства». Но одно дело – рассуждать о точности формулы, другое – добавлять текст в Символ. Прекрасно зная святоотеческие традиции, Папа попытался объяснить королю: «Мы сами не поем это-

го, но говорим и, говоря, учим; однако же, не дерзаем словами учением что-либо привносить в Символ»³⁷.

Таким образом, не Римская курия, а Франкский король стал автором догматической формулы, позднее прочно вошедшей в состав Римокатолического вероисповедания. Его пример был не одинок в блистательной череде многих западных императоров и королей, смело вторгавшихся в сферу догматики и каноники. В частности, именно по требованию императора Генриха II Святого (1002–1024) в 1014 г. *Filioque* официально был внесен Папой Бенедиктом VIII (1012–1024) в Символ Веры.

В уже упомянутом нами «Саксонском зеркале» встретится немало норм, регулирующих вопросы, традиционно относящиеся к каноническому праву. Не говоря уже о брачно-семейных отношениях, которые испокон веку относились к ведению церковного суда, «Зерцало» устанавливает обязательный раздел наследственного имущества священника с братом, приобретение наследства монахом, которому даже предоставляется в некоторых случаях право уйти из монастыря (статья 25 Книга 1), приобретение имущества аббатисой или епископом от государства (статья 26 Книга 1), праздничные дни – четверг, пятница, суббота, воскресенье (статья 66 Книга 2) и другие правила³⁸.

И хотя впоследствии едва ли кто-нибудь еще из западных монархов поднимался до уровня Карла Великого, но всех их объединяла убежденность в том, что Германский император и прочие короли отвечают за сохранение благочестия в своих землях

³⁶ Бармин А.В. Полемика и схизма. История Греко-латинских споров IX–XII веков. М., 2006. С. 26, 29.

³⁷ Пеликан Ярослав. Христианская традиция: история развития вероучения. В 5 т. Т. 2. Дух восточного христианства (600–1700 гг.). М., 2009. С. 180, 181.

³⁸ «Саксонское зеркало». С. 29, 78.

и незыблемость католического вероучения.

Эти мысли особенно пригодились Римской курии после того, как волна Реформации захлестнула Западную Европу. Надо сказать, положение Римско-католической церкви в Германии и Франции в то время было просто отчаянным. Как утверждают, уже 9/10 немцев являлись протестантами, и даже Бавария склонялась к тому, чтобы принять Реформацию. Франция, раздираемая гражданскими войнами, вызванными религиозным противостоянием католиков и протестантов, находилась не в лучшем положении.

Нисколько не смущаясь тем, что тревожащие его вопросы традиционно относятся к исключительному ведению Римской кафедры, Германский император *Карл V* (1519–1556) настойчиво требовал от папы *Павла III* (1534–1549) соборно изучить вопросы о непорочном зачатии Пресвятой Богородицы, учение об оправдании, первородном грехе (сугубо догматические темы), а также практику причащения мирян лишь Телом Христовым (канонические предметы)³⁹.

По его инициативе и после долгого противления Рима, которому император противопоставил всю свою неукротимую волю, был созван и после многих перипетий завершил работу знаменитый Триентский собор 1545–1563 гг. Карла V поддержал Французский король *Франциск I* (1515–1547), потребовавший от Папы преобразовать курию, уменьшить число кардиналов, уничтожить противозаконные привилегии епископов, ограничить случаи отлучения от Церкви и прекратить симонию. По их требованию члены Собора должны были изучить важнейший догматический вопрос о божественном

происхождении епископской власти, иными словами, о независимости архиереев от Римского папы.

Как будто перед всеми предстали св. Константин Равноапостольный и св. Юстиниан Великий. Помимо введения необходимых запретов, монархи потребовали составления новых молитвенников и пересмотра церковных обрядов с целью исключения из них всего наносного. И, главное, канонически разрешить брак священникам⁴⁰.

Когда папская курия попыталась проигнорировать вопросы, поставленные императором, Карл V демонстративно издал в мае 1548 г. временный закон о вере «*Interim*», которым не только разрешил без предварительного согласия Апостольской кафедры причастие под двумя видами для мирян и брак для священства, но и предписывал возобновить практику ежегодных провинциальных Соборов.

Его собрат во Франции, новый король *Франциск II* (1559–1560), подталкиваемый к решительным действиям своей матерью-королевой Екатериной Медичи, пошел еще дальше в части реформ Церкви. В мае 1562 г. его посланники представили Триентскому собору «*Список реформ*», в котором содержались, помимо предложенных Карлом V, дополнительные требования: перейти на национальный язык при совершении богослужения, подчинение священников правилам строгой морали, разрешение употреблять мясо в постные дни (в определенных случаях), ограничение числа бенефиций для кардиналов и епископов⁴¹.

III. Управители и спасители Западной церкви

³⁹ Филиппсон М. Религиозная контрреволюция в XVI веке. Триентский собор. М., 2011. С. 66, 180, 202.

⁴⁰ Там же. С. 213.

⁴¹ Там же. С. 122, 213, 214.

Старый принцип: «Кто принимает каноны, тот и управляет Церковью», действовал, разумеется, не только на Востоке, но и на Западе. Уже Франкский король Хлодвиг начал назначать епископов из числа светских лиц и имел большой успех. Несмотря на нескрываемое возмущение Римской курии, в скором времени большинство галльских епископов стали хиротонисаться из мирян, а король чувствовал себя полновластным хозяином и в королевстве, и в Галльской церкви⁴².

Нельзя, однако, сказать, что эта практика негативно влияла на положение дел в Западной церкви. Многократно исключительно деятельное вмешательство государей в дела церковного управления спасало Рим от окончательного падения института папства. Впервые эта счастливая судьба выпала на долю Карла Великого и его сыновей. Он не только спас понтифика от лангобардов и византийцев, но и всячески способствовал возвышению авторитета Апостольской кафедры. Как следствие, на Соборе 813 г. Карл Великий был официально признан *«руководителем Церкви»*; с тех пор в его руках уже формально сосредоточилась не только высшая политическая, но и церковная власть.

Нет никаких сомнений в том, что перед глазами Карла стоял пример блистательного Константинополя, но его претензии на главенство в Западной церкви имели и другую основу. Дело заключается в том, что германцам, к которым принадлежало и франкское племя, было чуждо старое римское понятие «корпорация»; германское правосознание воспринимало лишь понятие «частная собственность», но не «корпоративная собственность». Представить себе, что собственником

конкретного церковного прихода, возведенного тем или иным лицом, должна считаться вся Римская церковь в целом, а не тот, кто оплатил строительство и выкупил под храм землю, было для германца совершенно немыслимо. Так, совершенно неожиданно для Рима у всех на глазах возник и невероятно развился институт «частной церкви», *Eigenkirchentum*. Настоятель частной церкви, *Eigenkirche*, подлежал назначению собственником земли, а сам приход являлся объектом завещания и даже продажи⁴³.

Поэтому Карл Великий и его преемники действовали целиком и полностью в границах собственных национальных представлений о Церкви. Генрих II, прозванный впоследствии *«Святым»*, и *Генрих III* (1046–1056) самостоятельно поставляли Римских епископов и архиепископов в своем королевстве, основываясь на тех же представлениях. Феодалы, которыми наделялись духовные лица, по закону причинно-следственной связи неизбежно вовлекали архиереев в систему феодальных отношений, выработанных в германском мире. Эта система была основана на владении землей и вытекающих отсюда правах и обязанностях. И Западная церковь, владевшая половиной или даже большей частью земель, по необходимости брала в лице своих клириков обязательства по исполнению ленной присяги перед сеньором. Епископ, назначенный королем или графом, считался *его вассалом* и зачастую был вынужден оставлять алтарь, брать в руки оружие и воевать, как обычный дворянин⁴⁴.

Стоит ли удивляться, что уже в скором времени на Западе развился и укрепился институт *светской инве-*

⁴³ Пападакис Аристидис. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071–1453 годах. М., 2010. С. 34, 35.

⁴⁴ Шафф Филип. История христианской Церкви. Т. V. С. 39.

⁴² Лебек Стефан. Происхождение франков. С. 62.

ституры («облечение»), когда Германский император, король или иной крупный землевладелец и политический фигурант непосредственно назначал епископов на должности? Зависимость духовной власти от королей была облечена и в легальную форму. Перед посвящением епископы получали от короля инвеституру в виде жезла, символа папской власти, и кольца – знака, свидетельствующего о неразрывной связи епископа со своей паствой.

«Если ребенок мог быть графом, то почему он не может стать епископом?» – этот наивный вопрос из разряда софистических недолго мучил умы современников. В 926 г. граф Герберт Вермондуа хиротонисал своего 5-летнего сына в епископы, и такое «избрание» было утверждено королем и Римским папой. А архиепископ Кельнский даже получил выговор от Папы *Иоанна X* (914–928) за попытку воспрепятствовать назначению королем кандидата на вакантную кафедру в Льеже. В своем письме «своевольному» архиепископу понтифик объяснял, что ни в одной епархии (!) ни один кандидат в епископы не может быть поставлен на должность без распоряжения короля⁴⁵. Естественно, что, как вассалы короля, архиереи давали ему такие же клятвы, как бароны и графы, и несли аналогичные повинности.

Как известно, эта практика существовала очень долго, и борьба Римских пап за уничтожение светской инвеституры не привела к окончательной победе папства. В той или иной форме германские, французские и испанские короли всегда находили возможности влиять на такой важный вопрос, как выбор епископа на вакантную кафедру.

⁴⁵ Пападакис Аристидис. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071–1453 годах. С. 31.

Нет сомнений – указанный выше вид вмешательства королевской власти в дела церковного управления был неприятен римским епископам, и это не бесосновательно. Но даже самые упорные и самодостаточные из них были вынуждены признать, что нередко принятие императором на себя высшей церковной административной власти буквально *спасало* Римо-католическую церковь и само папство.

Историкам Церкви памятна эпоха «порнокрапии», когда только родоначальнику Саксонской династии *Оттону I Великому* (962–973) удалось по силам изгнать из Рима пап, место которым было не на кафедре, а в тюрьме. Ему же выпала честь реставрировать Каролингскую империю. Сильный правитель и великолепный воин, он сделал Папу своим капелланом, орудием императора, его «частной церковью» и вассалом. Когда поставленный императором Западной империи новый Римский епископ *Лев VIII* (963–965), летом 964 г. был свергнут вследствие интриг бывшего Папы *Иоанна XII* (955–963), подкупившего часть жителей Рима, дабы они избрали себе нового Папу *Бенедикта V* (964), Оттон вернулся в Рим в очередной раз, низложил Бенедикта V и вернул Льва VIII на кафедру⁴⁶. И в ближайшие 25 лет практически все римские епископы будут поставлены императорской властью⁴⁷.

Замечательная сцена возникла в ходе приема посла Оттона Великого, епископа Лиутпранда, в Константинополе. Когда византийцы стали упрекать посланника великого саксонца в том, что тот узурпировал власть Византийского императора, епископ парировал: «Мой государь вступил в Рим не как тиран или разбойник. Вы пре-

⁴⁶ Гергей Е. История папства. М., 1996. С. 84, 85.

⁴⁷ Пападакис Аристидис. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071–1453 годах. С. 44, 45.

небрегли своими обязанностями Римского императора, а мой государь вернул наместникам святых апостолов их владения, власть и почести»⁴⁸. Прав был Литупранд или нет – сейчас не столь важно. Характерно то, что сам Оттон искренне считал себя защитником Церкви и главой церковного управления.

Сын и внук великого саксонца, *Оттон II* (973–983) и *Оттон III* (983–1002), также с полным правом видели себя во главе Римо-католической церкви, поставляя понтификов и оберегая их же от врагов. Папы, выдвигаемые различными аристократическими партиями, менялись один за другим, постоянно становясь Kreatурами, а потом и жертвами борющихся соперников. Все их надежды были связаны исключительно с императором, своим хранителем и защитником. Не случайно, например, Папа *Бенедикт VI* (973–974) почти полгода ждал своего утверждения Германским императором, опасаясь без его согласия начать понтификат. Но затем жители Рима организовали восстание, свергли апостолика, заключили в тюрьму и в июле 974 г. задушили⁴⁹. А когда скончался Папа *Иоанн XV* (985–996), к императору Оттону III в Верону прибыла делегация из Рима с просьбой поставить своим решением нового понтифика, поскольку иных способов умиротворить все партии просто не существовало⁵⁰.

После смерти Папы *Григория V* (996–999) германец поставил понтификом своего любимца и воспитателя

⁴⁸ *Лиутпранд, епископ Кремонский*. Отчет о посольстве в Константинополь // *Лиутпранд, епископ Кремонский*. Антаподонис. Книга об Оттоне. Отчет о посольстве в Константинополь. М., 2006. Главы IV, V. С. 126.

⁴⁹ *Грегоровиус Фердинанд*. История города Рима в Средние века (от V до XVI столетия). С. 476, 477.

⁵⁰ *Хеффер Манфред*. Император Генрих II. М., 2006. С. 50.

Герберта, дав тому новое имя *Сильвестра II* (999–1003) – мнение клира и населения Рима его совершенно не интересовало. В дипломе об утверждении Сильвестра II было прямо написано: «Господина Сильвестра, нашего учителя, избираем и по воле Божьей ставим и определяем светлейшим Папой. Вся власть в Риме и Римской области должна исходить от императора, а Папа является его *верным помощником*».

Примечательны и другие детали. После своей коронации Оттон III, потомок по материнской линии блистательных Византийских самодержцев, без всяких внутренних сомнений велел именовать себя «Августейшим императором римлян» (*Romanorum imperator augustum*). На королевских документах вместо восковой печати подвешивался свинцовый медальон, на одной стороне которого была изображена голова Карла Великого, а на другой – щит со знаменем и надписью: «*Renovatio imperii Romanorum*» («Возрождение Римской империи»). Чуть позже была изготовлена печать самого Оттона III с надписью «*Aurea Roma*» («Золотой Рим») ⁵¹.

В январе 1001 г. в торжественной речи, произнесенной перед понтификом и папским двором, Оттон III без обиняков заявил, что «Константинов дар» – *подделка* (!), да и поведение предыдущих апостоликов в любом случае его полностью обесценило. Тем самым он указал, что не Божественный Промысел лежал в основе публичных прав и полномочий понтификов, а воля императора св. Константина Великого. Древние папы были достойны такой награды – и император делегировал им свои права; теперь же, вследствие постыдного поведения апостоликов в последние сто-

⁵¹ *Колесницкий Н.Ф.* «Священная Римская империя»: притязания и действительность.

летия, эти дары можно считать *отозванными*. Поскольку император св. Константин I Великий именовал себя *isapostolos* («равноапостольный»), Оттон III принял титул *servus Jesu Christi* («раб Иисуса Христа»). Это означало, что Христос *непосредственно* дал ему право расширять и укреплять Римскую империю и Кафолическую Церковь, и Папа, как уже говорилось выше, может быть лишь помощником императора⁵².

Не раз и не два Римская церковь агонизировала вследствие смертельной борьбы различных кандидатов на Апостольскую кафедру и задыхалась в удушливом дыму симонии. После смерти Папы *Бенедикта VIII* (1012–1024) папский престол путем подкупа через какое-то время занял его племянник *Бенедикт IX* (1032–1044, 1045, 1047–1048), *трижды (!)* становившийся Римским епископом. Некоторые утверждали, будто на момент хиротонии ему исполнилось всего *12 лет (!)*, но в любом случае все соглашались в том, что новый апостолик являлся величайшим распутником. Его успех у женщин был таков, что папу считали кодуном, в самом Риме его презирали настолько, что в 1044 г. просто изгнали из города. Вместо него престол занял ставленник партии Кресценциев *Сильвестр III* (1045), но Бенедикт IX вовсе не считал себя свободным от папского титула. Впрочем, его дебоши были столь шокирующие, что Рим при всем желании не смог перенести *такого* апостолика. Особенно поразило всех известие о том, что «новый старый» Папа всерьез подумывал *о женитьбе (!)*. Возникла настоятельная необходимость избрать очередного Римского епископа.

Новым папой стал *Григорий VI* (1045–1046), заявивший о необходи-

мости восстановления авторитета Римской церкви. Как всем вскоре стало известно, он купил папскую тиару у распутника Бенедикта IX за 1 тысячу золотых монет. Новый апостолик являлся убежденным сторонником радикальной церковной реформы и ради торжества Римской церкви даже запятнал свое имя постыдной симонией. Папа очень надеялся на поддержку короля Генриха III, которого встретил у Пьянченцы, когда тот направлялся в Рим на коронацию. Однако здесь история сотворила злую шутку: Генрих III был в не меньшей степени, чем Папа Григорий VI, озабочен делами в Западной церкви и жаждал перемен. Но и он не смог перебороть общественное мнение, неблагоприятное по отношению к папесимонисту. В результате король передал дело Григория VI на синодальный суд, который 20 декабря 1046 г. в городе Сутри лишил понтифика высшего достоинства⁵³.

Неугомонный Бенедикт IX вновь стал Римским епископом. К этому моменту папство достигло предела своего падения и унижения. В какой-то момент времени в Риме оказалось *три папы (!)*, почти мирно сосуществующих в разных местах: соборе Святого Петра, Латеранском дворце и церкви Святой Марии Маджоре. В отчаянии жители Рима обратились к Германскому королю Генриху III, который осенью 1046 г. отправился в Рим и низложил всех трех пап. Вместо них он назначил Римским епископом своего друга епископа Бамберга Шидгера, принявшего имя *Климента II* (1046–1047). На Рождество произошла хиротония нового апостолика, после чего Папа Климент II венчал короля Генриха III императорской короной⁵⁴.

⁵³ Колесницкий Н.Ф. Священная Римская империя: притязания и действительность.

⁵⁴ Норвич Джон. Нормандцы в Сицилии. Второе норманнское завоевание 1016–1130. С. 83, 84.

⁵² *Rapp Франсис*. Священная Римская империя Германской нации. СПб., 2008. С. 79.

Чуть позже значительную помощь институту папства оказали французские короли. Но и с ними было все не просто. Достаточно сказать, что король Людовик IX Святой, благочестивейший католик, но относящийся к Папе как к собственному епископу и чуткий к правам галликанского архиепископства, составил в 1269 г. «Прагматическую санкцию», регулиующую права Римского престола⁵⁵.

Сознательный последователь теории «двух мечей», Французский король тем не менее полагал, что если епископы обладают светской властью и политическими полномочиями, то, следовательно, и он имеет право требовать от них подчинения себе как их сюзерену. В одном из писем Римскому папе Людовик Святой так и выразился: «Право короля таково, что он может взять, как свои собственные, все сокровища церквей и все их доходы для своих нужд и для нужд королевства»⁵⁶.

«Авиньонское пленение» римских пап, конечно, не прибавило авторитета власти Апостольской кафедры. Но следует помнить, что переезд понтифика из Рима в Авиньон был предложен Французским королем *Филиппом IV Красивым* (1285–1314), в том числе, и потому, что Папа *Климент V* (1305–1314) без восторга был воспринят жителями Рима. Опасения, что апостолика в «Вечном городе» ждет смерть, казались небезосновательными, и в 1309 г. первосвященник и все 28 кардиналов переехали в Авиньон, что на границе Франции. Конечно, эта история не может быть зачислена в актив папства, но следует помнить, что никаких иных способов поддер-

жать Римского епископа и сохранить ему жизнь просто не оставалось⁵⁷.

Но, пожалуй, самая серьезная опасность для тогда еще единой Западной церкви возникла в конце XIV в. Несколько пап и, как следствие, антипап боролись за власть, Парижский университет настаивал на восстановлении соборной практики и уменьшении папских прерогатив, а многие блистательные публицисты и философы утверждали, что Папа не является викарием Христа. И вновь в роли спасителя папства Римско-католической церкви выступил Германский император *Сигизмунд* (1410–1437), которого активно поддержали короли Франции, Кастилии и Наварры. Вместе они требовали прекратить практику «*многopaпства*» и восстановить нормальное управление епархиями⁵⁸. По инициативе монархов был созван Собор в Пизе (1409 г.), затем в Констанце (1414–1418 гг.), а потом и в Базеле (1431–1437 гг.). Смерть Сигизмунда резко ослабила позиции *конциляризма* – нового учения, имевшего своей целью реформацию папства, и предоставила Риму прекрасную возможность восстановить свои позиции.

Увы, Римская курия радовалась недолго. И вскоре, к несчастью для самой же Западной церкви, симония, распущенность, продажность священства достигли такой степени, что Баварский герцог *Альберт V* (1550–1579) с прискорбием констатировал: во всей Баварии – наиболее благочестивой из всех католических государств – удалось обнаружить всего *четыре* (!) клириков, не живущих открыто со своими конкубинками

⁵⁵ «Эпоха Крестовых походов» / Под ред. Э. Лависса и А. Рамбо. Смоленск, 2002. С. 265–267, 371.

⁵⁶ *Гарро Альберт*. Людовик Святой и его королевство. С. 15.

⁵⁷ *Пападакис Аристидис*. Христианский Восток и возвышение папства. Церковь в 1071–1453 годах. С. 522, 523.

⁵⁸ *Лозинский С.Г.* История папства. Смоленск, 2004. С. 229.

(сожигательницами)⁵⁹. Что удивительно в том, что слова Лютера и Кальвина легли на благодарную почву?

Необходимо было срочно созывать Собор для того, чтобы предать анафеме наиболее грязные явления из жизни клира, а кроме того, четко сформулировать догматическое вероучение и уточнить каноническую практику. Для этих целей по инициативе Германского императора Карла V был созван величественный и грандиозный Триентский собор 1545–1563 гг. Интересно, что реакция самих римских пап и курии на этот Собор была далеко не однозначной и постоянно менялась. Лишь героическими усилиями Карла V Собор был, наконец, созван и после длительных и многочисленных мытарств завершен.

Замечательно, что император и его племянник Испанский король *Филипп II* (1556–1598) вовсе не собирались ограничивать себя ролью организаторов Собора. Напротив, император настоятельно требовал от Римской курии и апостолика конкретных перемен, вполне допустимых и, более того, имевших прецеденты в отношении греков-униатов. Речь шла о допущении мирян к Чаше под двумя видами, отмене целибата (согласимся, сугубо догматические и канонические предметы), запрете епископам находиться вне своих епископий и иных мерах, направленных на восстановление благочестия. Испанский король, слывший редкостным по ревности католиком, требовал от папы иного: недопущения вообще никаких перемен в пользу реформаторов, но четкого формулирования католического вероучения. Наибольших перемен ожидал Французский монарх Франциск II, угрожавший вообще созвать национальное

⁵⁹ *Филлипсон М.* Религиозная контрреволюция в XVI веке. Триентский собор. С. 214, 215.

собрание Галликанской церкви в пику Риму.

Даже рьяный католик Португальский король *Жуан III Благочестивый* (1521–1557) направил в Рим ряд требований. Король желал уменьшения числа кардиналов, уничтожения *резервации* (право Папы распоряжаться вакантными бенефициями) и *эспектативы* (права духовного лица на получение бенефиций), прекращения практики хиротонии в епископы лиц в качестве награды за прежние услуги курии без каких-либо намерений данного лица служить в качестве архiepастыря, резкого уменьшения числа интердиктов и отлучений⁶⁰.

Нет никаких сомнений в том, что если бы курия и послушные ей итальянские епископы были более внимательны и уважительны к требованиям и просьбам Французского и Германского королей, борьба с лютеранством оказалась бы несопоставимо эффективней. Но, используя колоссальный опыт аппарата Римской курии, Папа сумел погасить излишнюю, как ему казалось, инициативу императора и королей. Примечательно, что отказывая монархам в удовлетворении их требований, понтифик ни разу не рискнул сослаться на отсутствие канонических оснований их деятельности. Он прекрасно понимал, что, как и на Востоке, на Западе отсутствовали конкретные нормы канонического права, регулирующие их церковные полномочия. Однако за спиной государей стоял *канонический обычай*, имеющий ничуть не меньшую силу, чем писанный канон.

Окончание Собора и его рецепция демонстрирует еще один пример на тему наличия у королей известного права принимать или нет догматические и канонические определения. Недовольный фактом отказа в его

⁶⁰ Там же. С. 216, 217.

просьбах, Филипп II только через год после подписания соборных актов апостоликом издал их в Испании. И то с оговоркой о том, что новые догматы и каноны применяются лишь в тех объемах, которые не смогут нарушить старые права и прерогативы Испанской церкви и самого монарха⁶¹.

Власть Римского епископа признавалась с известными оговорками и во Франции. Всегда склонная к независимости, Галльская церковь еще в 1438 г. издала по требованию короля Карла VII Победоносного (1422–1461) «Вольности Галликанской церкви», поставив себя в сравнительно независимое положение от Рима⁶². Позже, в 1682 г., при короле Людовике XIV (1643–1715) появилось знаменитое «Заявление галликанского клира», содержащее четыре важных пункта. В них говорилось, что, во-первых, хотя преемнику св. Петра принадлежит главенство в делах духовного управления, но в гражданских делах короли Франции не подчинены Апостольскому престолу. Во-вторых, высшая власть Папы ограничена постановлениями всех Вселенских Соборов, включая Константинопольский (1414–1418 гг.). В-третьих, в самой Франции наряду с указанными выше правилами действуют свои правила, обычаи и постановления Соборов, рецепированные Галликанской церковью. Наконец, в вопросах веры Римский папа имеет преимущественный голос, но его суждения не являются обязательными, пока не будут одобрены всеми Поместными Церквами. Едва ли могут быть сомнения в том, что этот акт был принят с согласия, как минимум, Французского короля⁶³.

IV. Король или Папа? Вместо эпилога

Как видим, многочисленные исторические факты никак не подтверждают малообоснованный, хотя и широко распространенный, вывод о *монопольном* господстве римских пап в деле управления Западной церковью. «Византийские» полномочия Германского императора и могущественных королей Франции, Англии, Испании представляют собой не менее распространенное явление, чем светские полномочия римских епископов.

Тем не менее полного тождества не получилось. Падая и поднимаясь, пусть зачастую не без помощи западных императоров, понтифики восстанавливали свою власть и могущество. Хотя территория этой всемогущественной власти постоянно уменьшалась, но на оставшихся островках своих владений папы чувствовали себя полными хозяевами положения.

Конечно, этот факт не может быть объяснен только субъективными и случайными обстоятельствами. В отличие от Византии, Западная империя не смогла сохранить «симфонию властей» потому, что *универсальная императорская власть на Западе утверждалась на универсальной миссии Церкви*. Идея христианского государства, которую воспринял Карл Великий, имела основание не в государстве, а в Церкви. А потому статус «защитника Церкви», охотно принятый великим франком, на Западе привел не к появлению правового основания для короля руководить ею, а, наоборот, к отождествлению Западного императора с *органом церковного управления*, одним из самых высоких, но не главным. Безусловно, Германский король обязан был охранять Церковь от внешних врагов, но Церковь не принимала на себя никаких обязательств по отношению к собственному защитнику. Это вполне по-

⁶¹ Там же. С. 390, 391.

⁶² Суворов Н.С. Учебник церковного права. М., 1913. С. 60.

⁶³ Суворов Н.С. Курс церковного права. В 2 т. Т. 1. Ярославль, 1889. С. 101.

нятно, поскольку в «Божественном государстве», о котором грезил Карл Великий под влиянием блаженного Августина, Церковь была всем, а государство – ее слугой.

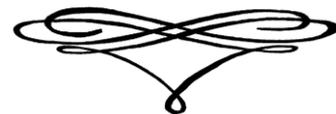
Императоры и короли сделали для Рима очень многое, но им не суждено было сравняться с Византийскими царями. И, конечно, ни о каком господстве Западного императора над Папой не могло идти и речи. То, что разрешалось Карлу Великому и некоторым другим монархам в силу неординарности их натуры и особых заслуг перед Римом, не передавалось по наследству. Если за их потомками и признавали право поставления епископов, то не в силу наличия у них церковных полномочий, а по традиции⁶⁴.

Согласимся, в самой конструкции «папа-император» был заложен корень непреодолимых противоречий. Без помазания понтификом ни один Германский король не мог считаться Западным императором. Но став императором, он мог действовать только так, как в Константинополе Византийские цари. Печально, но обе стороны никак не могли ужиться в рамках одной конструкции, не научились действовать *органично*.

Это приводило к неизбежным конфликтам между «двумя мечами», заканчивавшимся, как мы знаем, ослаблением каждого из властных институтов. Но в те минуты, когда власть Папы, казалось, возобладала над императором, Римо-католическая церковь неизменно падала вследствие почти ничем не сдерживаемой деградации курии и клира. И тогда, как правило, на помощь Риму приходил Германский император, многократно восстанавливающий Апостольскую кафедру в прежнем могуществе.

⁶⁴ Эйкен Гейнрих. История и система средневекового мирозерцания. М., 2010. С. 170, 171.

В конце концов, папы сумели восстановить свои политические позиции, не думая о том, что своим недалеким ригоризмом сами же породили страшнейшего и безжалостного врага – Реформацию. Быстро захватив страны Северной Европы, протестантизм низверг священство с того пьедестала, на который его веками возводили короли. В странах, отдавших себя под власть новой религии, вопрос о соотношении политической власти был решен просто и прагматично: так называемая «территориальная» теория отдала церковное управление монарху по принципу: «*Cujus est regio ejus est religio*» («кому принадлежит страна, тот и устанавливает веру»)⁶⁵.

Безусловно, верно суждение о том, что «поистине, непостижим был бы для науки, превышал бы всякое человеческое разумение институт папства,

⁶⁵ Суворов Н.С. Учебник церковного права. С. 68.

почти ровесник христианства, если бы в основе его не лежало ничего, кроме обмана»⁶⁶. Но невольно думаешь о том, что, *слишком* подчеркивая свою власть, папство последовательно и неумолимо на протяжении столетий упорно уничтожало главного своего защитника – императорскую власть.

Растаптывая церковные полномочия христианнейших императоров и королей Запада (среди которых отыщется не один десяток достойнейших имен), что было возможно только за счет умаления самого монархического статуса и лишения его сакральной основы, Римская курия уничтожала себя, пребывая в сладостном упоении от сиюминутных успехов...

⁶⁶ Суворов Н.С. Римское папство до разделения церквей // «Временник Демидовского юридического лицея». Книга 29. Ярославль, 1882. С. 33.

